НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 126

ЗОЛОТОЙ ВЕК РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

МОСКВА 2024

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.
Золотой век российского консерватизма

Выпуск 126 — М., 2024 — 50 с.

Тему заседания Никитского клуба, заявленную как «Золотой век русского консерватизма», по сути состоявшегося обсуждения точнее назвать: «Просвещённый консерватизм эпохи Александра III». Тема вызывает ассоциации с сегодняшним днём, поскольку «просвещённый консерватизм» как формула, полуофициальная идеология присутствует в обществе (*Ю. Петров*).

Консерватизм опирается на историю, национальные традиции. Цивилизационная, «цветущая сложность» разных традиций, разных историй в наибольшей степени выражается и ценится консерваторами, поэтому консерваторы — разные. По словам философа: «Охранение у всякой нации своё, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один».

Эпоха правления Александра III во всех отношениях была примечательна; об Александре и людях его времени полезно говорить как о варианте, не проработанном русской историей (*А. Привалов*).

ББК 63.3(263.3(2)522

© Московская Биржа, 2024
© Никитский клуб, 2024

Заседание

«Золотой век российского консерватизма»

28 ноября 2023 г.

Участники обсуждения:

Бортко Владимир Владимирович, режиссёр, сценарист, народный артист России

Громов Василий Александрович, профессор НИУ ВШЭ, доктор физико-математических наук

Данилов-Данильян Виктор Иванович, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института водных проблем РАН

Дементьев Виктор Евгеньевич, руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Егерев Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук

Звонарёва Лола Уткировна, главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства»

Зимин Владислав Владимирович, управляющий директор НКО ЦК РДК (АО)

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Поваляев Михаил Викторович, директор Филипповской школы, основатель Университета Дмитрия Пожарского, президент Русского фонда содействия образованию и науке

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова

Привалов Александр Николаевич, вице-президент, председатель Совета Никитского клуба

Рахматуллин Рустам Эврикович, писатель, эссеист, историк, москвовед

Саватюгин Алексей Львович, аудитор Счётной палаты Российской Федерации, профессор НИУ ВШЭ

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор философских наук.

Заседание ведёт Ю. А. Петров

Ю.А. Петров, *доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН*

Добрый вечер, коллеги! Александр Николаевич [Привалов] не смог сегодня прийти на заседание, надеюсь, мы услышим его в эфире.

Ю. А. Петров

Мы сегодня вновь собираемся говорить об истории. Об истории России, и тема задана такая, которая, я уверен, вызовет определённые ассоциации, аллюзии с сегодняшним днём. Впрочем, само её название уже созвучно нашему времени, поскольку просвещённый консерватизм, который вынесен в заголовок моего выступления[1], как формула и как даже официальная или полуофициальная идеология на самом деле уже присутствует в нашем обществе. С подачи Никиты Сергеевича Михалкова концепция просвещённого консерватизма уже в нашу жизнь входит. И даже из уст президента страны эта формулировка уже звучала.

В чём наша сегодняшняя задача и цель? В том, чтобы попробовать соотнести консерватизм, который был в России в конце XIX века, с современным. Я, конечно же, говорить буду больше о событиях столетней с лишним давности, поскольку мне, как историку, эти события ближе и, я бы даже сказал, понятнее. Но начну с небольшой цитаты Н.С. Михалкова, который, как известно, в своё время опубликовал документ под названием «Манифест просвещённого консерватизма».

В этом манифесте есть такая фраза: «Просвещённый консерватизм — это позитивное умение осмыслить прошлый и будущий мир вещей, свойств и отношений в должной и верной мере, а также способность эффективно действовать в современном мире, не разрушая его. Мировоззрение просвещённого консерватизма,

[1] Тема доклада Ю. А. Петрова: «Просвещённый консерватизм Александра III».

представленное как система принципов и идей, образует теоретическую основу российского консервативного движения и задаёт теоретический вектор для разработки полноценной программы действий».

Вот, собственно, кредо, в котором конкретики не так много. Скорее, это такая несколько пафосная формулировка того, что должно быть. К тому же, как историка меня всегда настораживает выражение «в должной и верной мере». Кто эту меру определил, насколько она верная и должная? Кто её утвердил? Поэтому не всё, как мне кажется, здесь просто. И порассуждать на эту тему, наверное, стоит.

Начать, наверное, надо с фигуры Александра III как носителя этой идеологии просвещённого консерватизма. Ему, очевидно, не повезло в общественном мнении и в историческом воспроизведении его фигуры. За ним потянулся шлейф такого «одного животного», которое «сидит на другом животном», — я имею в виду памятник Павла (Паоло) Трубецкого, это фраза самого скульптора [«Я изобразил одно животное на другом»] (рис. 1). Напомню, конечно, и знаменитые блоковские слова: «И царь — огромный, водянистый…» [А. Блок. «Возмездие»]

Рис. 1

В общественном восприятии Александр III всегда как-то проигрывал по сравнению с Александром II. Хотя за ним, конечно же, есть множество достойных деяний и традиций. Может быть, это единственный русский император, при котором Россия не вела войн. И не зря он получил прозвище «миротворец». При нём Россия, что называется, начала свой громадный индустриальный скачок. Рост экономики был впечатляющий, благодаря в том числе и иностранным инвестициям, которые широким потоком хлынули в страну. Как раз с 1880-х годов мы и отмечаем, собственно, начало индустриализации России.

Тем не менее, несмотря на то что при нём происходили многие хорошие вещи, он остался в народной памяти и в интерпретации исторического и советского времени как недалёкий пьянчужка, который и погиб от своей страсти, поскольку заработал

нефрит почек. Я не думаю, что на самом деле было так, скорее всего, совершенно не так, нефрит не только с алкоголизмом связан. Но то, что он прожил слишком короткую жизнь, совершенно очевидно. Ему было всего лишь 49 лет, лет 20 он не добрал, вынужден был и трон передать наследнику, который был к этому ещё не вполне готов.

Вот такое стечение обстоятельств стояло за этим человеком, который, надо учесть, не готовился к царскому трону. У Александра, тогда великого князя, был старший брат Николай Александрович, которого как раз готовили к трону как Николая II. Но —трагическая ситуация, этот блестящий, образованнейший юноша, надежда России, как его называли, скончался от болезни в юном возрасте в 1865 году. С того момента Александр III стал цесаревичем, наследником престола. И, конечно же, всё изменилось в его мировосприятии. Он понял, что теперь не может вести просто великокняжескую жизнь, теперь он является наследником и ответственен за Россию. А главное, события 1 марта 1881 года, то есть убийство отца, глубочайшим образом на нём сказались.

Первое время, как вы знаете, это хрестоматийные вещи, он был в полной панике и заперся в гатчинском дворце своего прадеда Павла, где практически не выходил из дома, опасаясь террористов-народников. Но затем сумел прийти в себя и выпустил свой знаменитый «Манифест о незыблемости самодержавия» в конце апреля, то есть через два месяца после убийства отца. В этом манифесте он заявил, что основную свою задачу видит в том, чтобы «укреплять самодержавную власть и охранять её от всяких на неё поползновений». Все политические проекты предыдущего царствования, так называемая «Конституция Лорис-Меликова», с этого времени были отменены. И сам Лорис-Меликов был уволен в отставку.

Внутренний мир Александра III, пожалуй, был вполне традиционен для того времени. Он воспитывался в духе официальной народности, искренне считая самодержавие единственной формой власти, пригодной для управления такой страной, как Россия. Более того — спасительной для неё. Здесь он был очень близок к Николаю Карамзину, который, как известно, воспевал самодержавие как «палладиум», то бишь как спасение России. И эта вера в самодержавие, твёрдую власть, дала повод называть царствование Александра III ещё и временем народного самодержавия.

Вместе с тем перед Александром III стояла новая задача — что делать для того, чтобы укрепить власть, то есть самодержавие? Он осознавал, что у власти есть одна по-настоящему серьёзная опора — поместное дворянство. В этом дворянстве, в укреплении его позиций он и видел единственную возможность нормализовать положение страны.

По его убеждению, характер власти в российском государстве во многом зависел от обширности территории страны, необходимости обеспечивать защиту от внешних угроз. Вслед за многими философами, историками своего времени он был уверен в особой роли православной веры не только для русского народа, но и для других населяющих Россию народов, прежде всего славянских. Александр III полагал, что именно сильная самодержавная власть является в России гарантом защиты от внешних угроз и внутренних несчастий. Но для того, чтобы она была сильна и авторитетна, поддерживалась всеми народами и сословиями, власть должна быть справедливой и заботиться о нуждах своего народа. Противников власти он искренне считал людьми, посягнувшими на саму Россию, и считал необходимым бороться с

ними во благо Отечества. Ни на какие компромиссы с террористами-народниками, компромиссы, которые ему предлагались, он не пошёл.

К своему отцу он относился с большим пиететом и любовью. Но очень критически воспринимал реформы эпохи Александра II. Исходил из того, что крестьянская реформа, отмена крепостного права, заметно ослабила помещиков. А земская и судебная реформы уменьшили власть чиновников. И он считал необходимым эту ситуацию исправить. Политика нового царя была направлена прежде всего на борьбу с так называемыми «губительными последствиями либеральных реформ Александра II».

В этом смысле аллюзии с нашим временем вполне очевидны. Выражение «губительные последствия» при этом принадлежит самому Победоносцеву, который имел серьёзное влияние на императора, поскольку ещё с юных лет был его преподавателем права и юриспруденции. Поэтому в период своего царствования (1881–1894) Александр III проводит ряд так называемых консервативных мер. Издаются законы, которые постепенно забирают широкие возможности, данные ранее. Эти законы как бы перечёркивают либеральные начинания 60–70-х годов. Поэтому его политику издавна повелось называть контрреформами.

Это, скорее, публицистический термин, поскольку всё же нельзя сказать, что его политика была направлена на то, чтобы отменить реформы отца. Конечно же, никто не собирался восстанавливать крепостное право в России, во всяком случае из людей правящего класса. Точнее эту политику назвать консервативной стабилизацией. Действительно страна была очень расшатана, расхристана, революционное движение создало серьёзный кризис в системе государственного управления. И поэтому требовалась сильная рука. Этой рукой и был новый император, который следовал заветам своих главных советчиков. А они в это время все относились к консервативному лагерю.

Например, тот же Константин Победоносцев, обер-прокурор Священного синода, критиковал основы западной демократии и боролся с теми, кто пропагандировал в России эти ложные, по его мнению, ценности. Другой вития и владыка дум того времени, публицист Михаил Катков, в своих изданиях (журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости») устроил настоящую трибуну сторонников контрреформ и имел серьёзное влияние на правительственные структуры. Бывали случаи, когда после катковских статей следовали отставки и перемещения в правительственном кабинете.

Но какие реальные меры принял новый император? Очень важные начинания — это август 1881 года. Через полгода после гибели отца утверждается *«Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»*. В соответствии с этим чрезвычайным законом правительство могло в любой губернии по представлению местных властей объявить чрезвычайное положение. По этому Положению крайне расширялись полномочия местной власти, то есть губернаторов, градоначальников и так далее. Не буду говорить подробно об этом, поскольку смысл нововведения был вполне очевиден. Например, местным властям предоставлялось право запрещать народные собрания, приостанавливать деятельность земств, закрывать торговые и промышленные заведения, если это угрожает государственной безопасности и нарушает «общественное спокойствие».

Цесаревич Александр Александрович и К. П. Победоносцев (справа), 1869 год.

Другим направлением его политики было укрепление позиции помещиков, то есть реализация той самой идеи об опоре власти на поместное дворянство. Наиболее значительными из таковых мер были: введение должностей земского начальника и проведение так называемой земской контрреформы. Земские начальники с 1889 года были поставлены во главе земских участков. И назначались они, что важно, министром внутренних дел из числа только местных потомственных помещиков-дворян. А между тем занимались они делами крестьянскими. Им подчинялись все представители выборного крестьянского управления. Земские начальники получили право штрафовать крестьян, подвергать их телесным наказаниям (хотя официально в России они были уже отменены), сажать под арест и так далее.

В целом подобные преобразования, наверное, всё же заслуживают определения «контрреформы», поскольку правительство явно пыталось свести на нет одну из важнейших сторон реформы 1861 года — потерю помещиками власти над крестьянами. Обществом они и воспринимались как реставрация, попытка реванша дворянства в отношениях с крестьянством. А земская контрреформа 1890 года означала подчинение дворянам земского самоуправления. При этом землевладельческая курия стала играть преобладающую роль в жизни земства, а крестьянская вообще потеряла право самостоятельного выбора. Дело в том, что окончательное решение по предложенным кандидатам в депутаты (гласных, то есть с решающим голосом) земства из крестьян принимал губернатор. И только он решал, утверждать избранных кандидатов или не утверждать. И таким образом получал возможность отсечь от земской деятельности так называемых крикунов и смутьянов.

Была сделана также попытка провести судебную контрреформу. В какой-то мере ограничивалась несменяемость судей и гласность политических процессов. Однако полного пересмотра уставов 1864 года не произошло. Суд в России в целом остался независимым, что было очень важно. Правительство оказывало

дворянству и всевозможную финансовую поддержку. Например, был создан специальный Дворянский банк, который давал льготные ссуды под залог поместий. На это ушли десятки миллионов рублей, хотя эффекта здесь особого не было, дворянство по-прежнему продолжало скудеть, то есть постепенно беднеть и разоряться.

Важно то, что в духе официальной народности, любимой им, Александр III стремился выступать и как попечитель всех своих подданных, поэтому были приняты меры и в отношении крестьян. Такие важные, как закон о прекращении *временно-обязанного состояния*. С 1861 года, то есть двадцать лет после отмены крепостного права, крестьяне ещё значились временнообязанными своим бывшим помещикам. Это было вызывающее положение, и отмена этого архаичного состояния оказалась, безусловно, весьма позитивной чертой нового царствования. Отменили и так называемую подушную подать, которая взималась со всех податных сословий, кроме дворянства и духовенства, и была тяжёлым налогом в основном на тех же крестьян. Был создан Крестьянский банк, который помогал крестьянам скупать земли помещиков и расширять свои запашки. Приняты меры к переселению крестьян на свободные земли на окраинах империи.

Данные меры можно оценить как некую предтечу столыпинских преобразований. Но вместе с тем я убеждён — одним из основных упущений и промахов этого царствования был курс на решительную поддержку общины. Правительство, отменив крепостное право, решило «подморозить» отношения в деревне, сохранив общину как удобную фискальную единицу взимания налогов с крестьянства. И как эффективную полицейскую единицу, поскольку община системой круговой поруки призвана была пригасить социальные конфликты, которые назревали в деревне.

Этот курс заморозил аграрные отношения в стране, не давал развиться крестьянскому предпринимательству, искусственно поддерживал дворянское землевладение. В итоге он был, конечно же, обречён. На осознание этой ситуации ушло двадцать с лишним лет, понимание пришло только в связи с событиями русской революции 1905–1907 гг. и началом столыпинской реформы. Но было уже поздно. Двадцати лет покоя, необходимых Столыпину для успешного проведения своей реформы, история России не отпустила. Время было бездумно потрачено тогда, в эпоху Александра III.

Вместе с тем в области промышленности возникло рабочее законодательство. Впервые в России появились государственные законы, которые регулировали отношения рабочих и предпринимателей. Рабочий день, например, был ограничен хоть и большой цифрой, но стабильной — 11,5 часов, больше рабочий не должен был работать. Это были достаточно прогрессивные начинания.

Однако в других областях принимались меры довольно жёсткого контроля, которые портили имидж власти и наносили серьёзный ущерб образу России в мире. Имею в виду прежде всего такие законы, как печально известный «циркуляр о кухаркиных детях» — прозвание принятого в 1881 году циркуляра «О сокращении гимназического образования». В соответствии с этим циркуляром в гимназии ограничивался приём «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». То есть гимназическое образование, а вслед за ним и университетское, предназначалось для аристократов, а не выходцев из социальных низов. Были даже закрыты столь популярные у молодёжи Высшие женские курсы, открытые при Александре II.

Университетский Устав 1884 года вообще ликвидировал автономию университетов, усилил власть попечителей учебных округов. Ректоры, деканы, профессора, ранее выборные, снова стали, как при Николае I, назначаться.

Среди деяний в области народного просвещения была и такая двусмысленная, по оценке образованного общества, мера: Победоносцев распорядился открыть приходские школы в каждом церковном приходе, что, правда, не было полностью реализовано, потому что не хватало достаточно грамотных священников для роли учителей. В этом проекте увидели усиление клерикализма. Однако же, на мой взгляд, начинание было вполне прогрессивным, поскольку тысячи и тысячи крестьянских детей именно в таких ЦПШ, как прозвали церковно-приходские школы, получили возможность научиться грамоте.

Если попытаться подвести некоторый итог, перед тем как я передам слово моему содокладчику, — мы с ним заранее не сговаривались, и я не знаю, о чём будет говорить Александр Юрьевич, — то внутреннюю политику Александра III можно резюмировать как *попытку сохранить и укрепить существующий строй, отказавшись от тех преобразований, которые вели к ослаблению властных институтов*. В чём, собственно, и заключалась изначальная идея самодержца.

Насколько она была реализована — вопрос непростой. Но, во всяком случае, его сын воспринял эту идею отца о безусловном сбережении власти. И, как вы помните, при коронации Николаю Александровичу было подано ходатайство от земских либералов об «увенчании здания реформ», то бишь о создании представительного органа, некоего прообраза парламента. На что тот ответил достаточно жёстко, предложив им «оставить бессмысленные мечтания». С этого времени расхождения либерального и революционного лагерей с официальной властью обострились, и через 10 лет Николаю II пришлось всё же пойти на созыв первого российского парламента — Государственной думы. Есть все основания полагать, что вспыхнувший конфликт в форме первой русской революции стал прямым наследием эпохи просвещённого консерватизма Александра III.

На этом позвольте закончить. Я с удовольствием отвечу на вопросы, если они возникнут.

А.Л. Саватюгин, *аудитор Счётной палаты Российской Федерации, профессор НИУ ВШЭ*

Юрий Александрович, позвольте такой вопрос. Вы упомянули, что у Александра был брат Николай, которого готовили к престолу, но он умер в молодом возрасте. И поэтому мой вопрос, поправьте меня, если я неправ. Если учителем у Александра III был Константин Победоносцев, то у его брата Николая был учителем Борис Николаевич Чичерин, один из первых российских либералов, что сейчас называется. Если бы не умер Николай Александрович в молодом возрасте, могла бы история России пойти совсем по другому пути? По крайней мере, в политической части?

Ю.А. Петров

Хороший вопрос. Что такое «совсем», каким образом она могла бы пойти «совсем по другому пути»? Ведь Николай был бы прямым продолжателем дела отца. И

действовал бы по рецептам Чичерина. А Чичерин — знаменитейший российский либерал той эпохи. Не знаю, честно скажу. Роль личности императора всё же действительно была велика, он не был исполнителем чьих-либо наставлений. Тот же Александр умел слушать всех, но принимал собственные решения. А Николай — сказать что-либо определённое трудно, он был слишком юн. И, может быть, ещё в силу возраста находился под серьёзным влиянием своих учителей.

А. Л. Саватюгин (слева)

Мне кажется, что эта периодическая смена консерватизма-либерализма в какой-то мере мистика какая-то, но она у нас заложена в истории. За либеральной эпохой неминуемо следует консервативная. Отчего это зависит? От личности императора? Не знаю, честно скажу. Думаю, что Николай мог бы продолжить реформы отца успешнее, чем второй сын. Но смог бы он побороть общую тенденцию? Поскольку тогда все после Александра II были консерваторами, напомню: Катков, Победоносцев, Константин Леонтьев — лучшие умы России. Дмитрий Толстой, министр внутренних дел, был полным консерватором. Это был общественный тренд времени, который, разумеется, влиял и на императора тоже.

Не знаю, насколько ответил на вопрос. Последнее, что скажу: у Александра III кроме Победоносцева были и другие хорошие преподаватели. Русскую историю преподавал Сергей Михайлович Соловьёв, который, кстати, очень любил русскую историю, но, как бы сказать, не сравнивая с западной. Он её любил, именно как свою историю. В нём не было рефлексии типа «а где мы?», «а что у нас по сравнению с ними?» В этом смысле он был внутренне очень цельный человек и сумел передать своё отношение воспитаннику.

В.И. Данилов-Данильян, *член-корреспондент РАН, научный руководитель Института водных проблем РАН*

Скажите, пожалуйста, а вам не кажется, что в контрреформизме Александра III есть и психологический момент? Ведь у Александра II была вторая семья, которую он всерьёз собирался сделать первой. Это не могло не оказать очень существенного воздействия на его сыновей.

В.И. Данилов-Данильян

Ю.А. Петров

Тоже хороший вопрос. Насколько вторая семья Александра II повлияла на выбор его сына — не знаю. Все знали об этой ситуации. И если бы Александр II не погиб 1 марта, все ожидали, что он объявит официальной женой свою любовницу, с которой он уже прижил несколько детей. Там жизнь была вполне семейная. Но то, что Александр III вёл себя в семейном плане совершенно иначе по сравнению с отцом, — это правда. Он не был, что называется, жуиром, не заводил адюльтеров. У него была сильная постоянная любовь к Марии Фёдоровне. Единственное, что он ей выставлял в качестве претензии и грубовато, по своей манере, говорил, что «испортила ты породу, дура». Потому что все Романовы были такими здоровенными дылдами, а у них с Марией Фёдоровной что Николай, что Михаил получились довольно низкорослыми и щуплыми. [**На реплику из зала**] Согласен, Михаил выше ростом Николая, но намного тоньше, чем отец.

Не думаю, что у Александра III был какой-то гамлетовский синдром, такой, как, может быть, был у Павла по отношению к матери [Екатерине II]. У Александра III не было личного отторжения отца из-за его любовных увлечений. Всё-таки он оставался глубоко его уважающим. Поэтому этот фактор, я думаю, не играл решающей роли. А все пишут, что играл? [**на реплику из зала**]. Значит, я один такой.

М.В. Поваляев, *директор Филипповской школы*

Юрий Александрович, вот вы сказали, что никаких попыток компромисса с либералами Александр III не предпринимал. Я рискну возразить. Всё-таки одна такая попытка была — министерство Игнатьева [граф Н. П. Игнатьев, министр внутренних дел в 1881–1883 гг.], связанное с финансированием женевской газеты «Вольное слово»[2] под редакторством Драгоманова. И само финансирование её, и попытка привлечь туда либеральную эмиграцию скорее может считаться попыткой такой компромисс найти. Насколько это была идея Александра, насколько — Игнатьева? Министерство Игнатьева было не слишком продолжительным, тем не менее вряд ли это могло быть сделано совершенно без ведома царя.

Ю.А. Петров

Если я сказал, что не было попыток компромисса с либералами, то я, наверное, оговорился, имея в виду революционеров. А имел в виду я тот конкретный случай, когда после убийства Александра II один из руководителей «Народной воли» Лев Тихомиров, которому удалось избежать ареста, сумел передать Александру III своё послание. В письме он требовал немедленно созвать учредительное собрание, в противном случае «Народная воля» обещала продолжить террор, не исключая и новое цареубийство. Вот на этот шантаж, на этот выпад Александр III ответил жёстко тем самым «Манифестом о незыблемости самодержавия». Ни на какое соглашение с революционерами он не пошёл.

Нужно добавить о Тихомирове, с его необычной для русского революционера судьбой: через несколько лет он попросил у императора помилования, добровольно отрёкся от идеи «Народной воли» и стал одним из главных апологетов самодержавной власти в России. Вот так бывает.

А то, о чём сказали вы, — я согласен. Конечно же, имея таких выдающихся представителей либеральных сил в России, нельзя было не искать с ними некоего компромисса. Что и происходило в реальности.

Вопросы завершены? Предоставлю слово моему коллеге, Александру Юрьевичу Полунову, профессору МГУ имени Ломоносова. Тема его доклада: «Общественно-культурный стиль эпохи Александра III». Александр Юревич вырос на историческом факультете, но сейчас работает на факультете госуправления, которым руководит Вячеслав Алексеевич Никонов. Александр Юрьевич — один из лучших знатоков эпохи, автор нескольких книг об этом времени. В частности, у него есть книги о Победоносцеве. Если не читали, очень рекомендую, весьма фундированные сочинения. Александр Юрьевич, прошу, вам слово.

А.Ю. Полунов

Спасибо большое, Юрий Александрович. Ваше выступление было исчерпывающим, очень ёмким очерком политики эпохи Александра III. Я хотел бы остановиться главным образом на идеологической подоплёке тех мер, которые принимались в 80-е — начале 90-х годов.

---

[2] Газета, издаваемая в Женеве в 1881–1883 гг. с целью борьбы с революционной пропагандой террористической организации «Народная воля».

А.Ю. Полунов

Начать своё выступление я хотел бы с визуального ряда. То, что мы, историки, излагаем в сочинениях иногда многотомных, художник силой своего художественного гения может воплотить в ярком, ёмком образе. И вот самое знаменитое, на мой взгляд, скульптурное воплощение образа императора — это памятник, воздвигнутый на Знаменской площади перед Московским вокзалом в Петербурге, открытый в 1909 году. Памятник Александру III работы итальянского скульптора русского происхождения Паоло Трубецкого (рис. 2).

Александр III (правил в 1881–1894 гг.)

Памятник Александру III (скульптор Паоло Трубецкой, 1899–1909)

Рис. 2

Монумент, который при своём открытии вызвал широчайший резонанс и, можно сказать, сенсацию. Как явно бросается в глаза, скульптор, создавая этот образ, нарочито заострил его, доведя, как многие считали, до грани гротеска и даже карикатуры. Памятник явно выбивался из ряда монументов, которые характерны для Северной столицы, основанной Петром I. Но выбивался он прежде всего тем, как скульптор изобразил царя. Это грузный, мешковатый такой человек в форме, сидящий на коне-тяжеловозе.

То, что форма была мешковатая, отражено объективно. Именно такая военная форма при Александре III и была введена, во многом ориентирующаяся на простонародную одежду (рис. 3). Что вызвало, кстати, довольно сильные протесты в армии, офицеры иногда отказывались её признавать.

Рис. 3

Вот цитата известного военного историка Антона Керсновского («История русской армии»), который, в частности, пишет о том, какую она реакцию вызывала: «Офицеры стали походить на обер-кондукторов, гвардейские стрелки — на околоточных надзирателей, фельдфебели — на сельских старост в кафтанах с бляхой. Солдаты в своём сермяжном обличии стали походить на паломников, особенно в армейской пехоте, где были упразднены ранцы и вместо них введены “вещевые мешки”».

Но дело было даже не только в этом, а в том, что памятник звучал как явное противопоставление другому монументу, который к этому времени стал визитной карточкой Северной столицы. Противопоставление, конечно, «Медному всаднику» — памятнику Петру I. «Медный всадник» — изображение императора, который поднимает коня на дыбы и бросает его вперёд. А памятник Александру III — это противоположное движение, он пригибает голову лошади вниз, причём пригибает очень резко. Многие обратили внимание на то, что рот лошади раскрыт, почти разорван до крика, то есть такое мощное тормозящее движение. И

в этом, на мой взгляд, воплотилось очень ярко содержание, смысл внутренней политики Александра III, которое действительно заключалось в консерватизме, торможении.

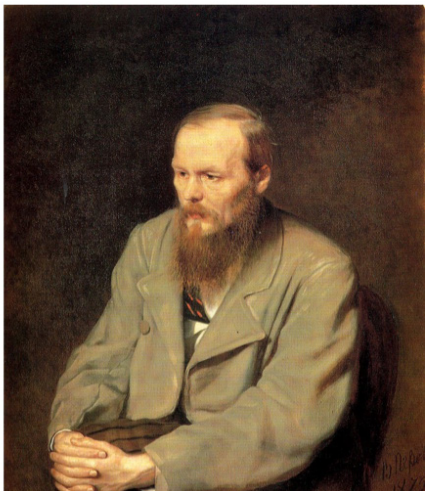
А истоком этой коллизии, как я считаю, были события, размышления, идейные процессы, которые происходили в рамках предыдущей эпохи в 60–70-е годы. Это эпоха реформ Александра II, которые, как довольно рано стало ясно, пошли не в том направлении, в каком рассчитывали. Дали далеко не тот эффект, который ожидался. И побочный эффект, в частности, выразился в зарождении, в развитии революционного движения.

Лучшие умы того времени бились над вопросами: почему пошло не так? Многие консервативно настроенные мыслители, — а их было достаточно много, кроме тех, кого упоминал Юрий Александрович, я бы ещё назвал князя Мещерского, ряд других, — они обращали внимание на то, что, наверное, да, реформы были чрезмерны. Порочная черта, порочный элемент в них был тот, что они привнесены с чужой почвы, заимствованы из Западной Европы. Перенимать чужое и насаждать на чуждую невосприимчивую почву — это достаточно опасно. Вместе с реформами были перенесены в Россию чуждые её традиционному укладу принципы, в том числе индивидуализм, чрезмерная опора на личность, взятую отдельно, на такое свободное, ничем не сдержанное соревнование этих индивидуальных начал.

Мыслителем, который, наверное, наиболее ярко выразил это в художественной форме, был Фёдор Михайлович Достоевский. Монарх, о котором мы сегодня говорим, Александр III, рос и воспитывался в атмосфере влияния на него этих идей. Но Достоевского он читал ещё с момента выхода великих произведений этого писателя. Его воспитатель Константин Петрович Победоносцев рекомендовал ему сочинения Достоевского, в том числе потому, что Победоносцев был близким другом Достоевского.

К.П. Победоносцев
(портрет работы В.А. Серова)

Ф.М. Достоевский
(портрет работы В.Г. Перова)



Александр III, тогда цесаревич Александр Александрович, его жена, цесаревна Мария Фёдоровна, не только читали произведения Достоевского, но и лично были знакомы с писателем. Достоевский дважды встречался с цесаревной Марией Фёдоровной. А в конце 80-го года, за месяц до смерти (это было такое своего рода политическое завещание Достоевского) он был принят цесаревичем, встречался с ним непосредственно. Это было идеологическое влияние, Достоевский стремился внушать свои взгляды. Всё это вместе взятое, конечно, срезонировало после восшествия Александра III на престол. Начались поиски новой идеологии, которая базировалась бы на идеях самобытности. Эта идеология выражалась в ряде форм и повлияла на целый ряд аспектов политики.

Мне хотелось бы затронуть аспект, который историками рассматривался, но исследован, на мой взгляд, ещё явно недостаточно, — это визуальная, символическая демонстрация основных идеологических принципов и политики. Вот ещё один памятник эпохи, который воплощал в себе дух политики Александра III, тоже контрастно противоречащий внешности Северной столицы, — храм Спаса-на-Крови. Храм Воскресения Господня — храм-памятник, воздвигнутый на месте гибели Александра II на набережной канала Грибоедова, тогда Екатерининского канала (рис. 4).

Собор Воскресения Христова (храм Спаса-на-Крови).
Построен в 1883–1907 гг. Архитектор А.А. Парланд.

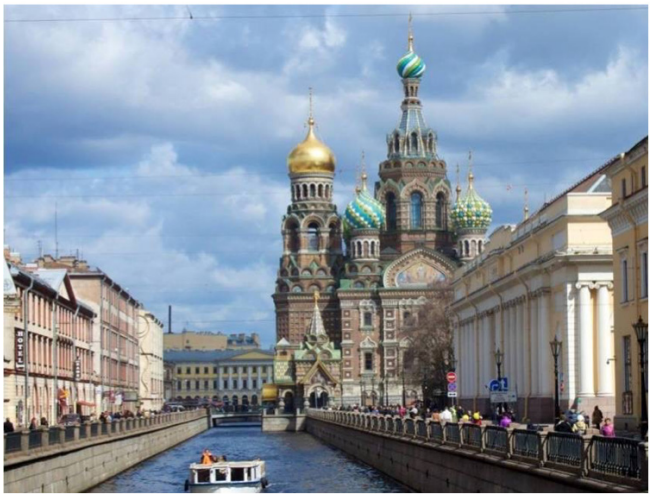


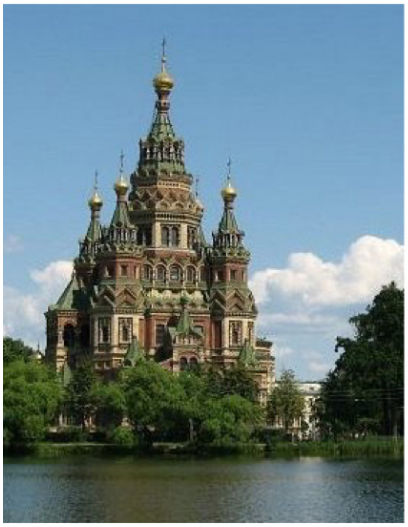
Рис. 4

Сразу после гибели Александра II было принято решение воздвигнуть памятник в виде храма на месте его смертельного ранения. Был объявлен конкурс, подано много проектов храма, разработанных лучшими архитекторами того времени. Все эти проекты были в стиле европейской архитектуры, гармонировавшие с обликом Петербурга, или в стиле популярной в 60-70-е годы византийской архитектуры. Александр III, рассмотрев их, все перечеркнул и написал: «Церковь должна быть возведена в стиле московских и ярославских храмов XVII века». То есть отсыл

к самобытности, отсыл к своей старине. Причём старине допетровской, к той эпохе, когда вот эти самобытные начала ещё не были испорчены, как считали консерваторы, внешними заимствованиями. И получился вот такой храм.

Создателем храма считается архитектор Парланд. Но на самом деле это скорее был плод коллективного творчества тех зодчих, которые разрабатывали в архитектуре идеи самобытности ещё в 60–70-е годы. Это такая антология элементов самобытной архитектуры допетровской эпохи. То, что он похож на Храм Василия Блаженного, бросается в глаза сразу. Но это не так, храм Спас-на-крови — пятиглавый, основных глав пять. Это классический стиль XVII века, и богатый внешний декор тоже в стиле XVII века. Колокольня несколько напоминает Ивана Великого. Внутренний декор — не роспись, а мозаика, это вообще отсыл к Софии Киевской. Такая антология самобытной архитектуры, конечно, резко противостоит архитектурному облику Северной столицы, что сразу создавало ситуацию вызова не только эстетическим, но и идеологическим началам, на которых базировалась политика самодержавия со времени Петровских реформ.

Петропавловский собор в Петергофе (1893–1905)



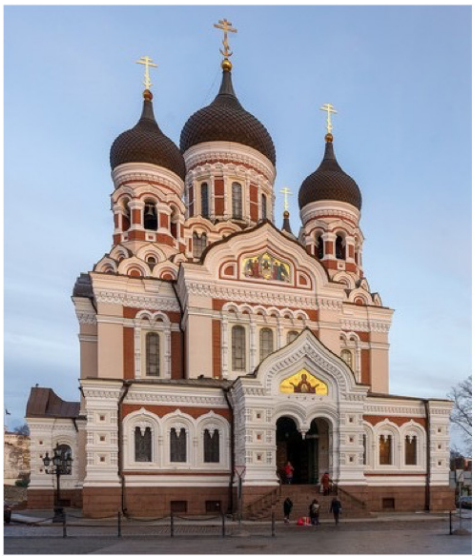
Храм Христа Спасителя у ст. Борки Харьковской губ. (1891–1984)

Рис. 5

Нужно сказать, что затем этот стиль будет прослеживаться. Он не стал единственным, не стал обязательным — такого, конечно, не было. Но стал желательным, рекомендуемым. Этот стиль прослеживается в очень многих храмах. В Петергофе архитектором Султановым, который был очень популярен в эпоху Александра III, воздвигнут Храм Петра и Павла, тоже резко бросающий вызов классической архитектуре петербургских пригородов. И очень красивый, к сожалению, не сохранившийся Храм Христа Спасителя у железнодорожной станции Борки. Это также мемориал-памятник спасению царской семьи в 1888 году, когда во время крушения поезда у этой станции царская семья чудесным образом, как тогда считали, спаслась. (Рис. 5)

Архитектура в стиле московских храмов XVII века используется при воздвижении церквей на окраинах, на форпостах Российской империи — в Варшаве и в Таллине (в то время Ревеле) воздвигаются храмы, тоже своим стилем нарочито бросавшие вызов окружающей архитектуре. Особенно храм в Ревеле. Те, кто из вас бывал в Таллине, наверное, обращали внимание, что там окружающая архитектура городской крепости, Вышгорода, типично средневековая, готическая. И вот в эту архитектуру внедрён такой чисто русский по архитектуре храм. Этот храм уцелел, а собор в Варшаве, к сожалению, в 1920-е годы был стёрт с лица земли, после того как Польша получила независимость. (Рис. 6)

Александро-Невский собор в Таллине (1895–1900)

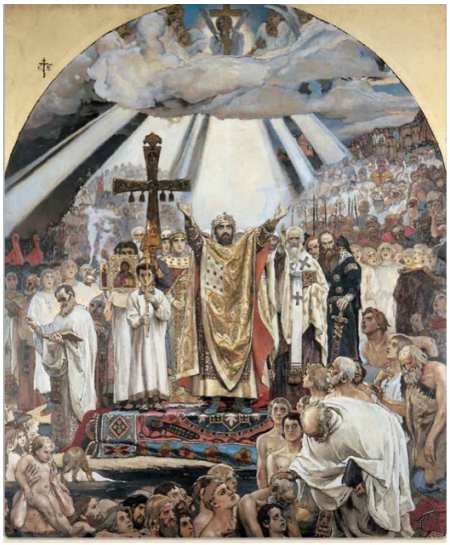


Александро-Невский собор в Варшаве (1894–1912)

Рис. 6

Александр III, который проявлял очень большой интерес к изобразительному искусству во всех формах, лично просматривал проекты основных церквей и поощрял это возвращение к корням, поощрял возвращение к самобытным началам.

Если говорить о живописи, об изобразительном искусстве, в данном случае о монументальном искусстве, тут важнейшей вехой стали росписи Владимирского собора в Киеве, к исполнению которых были привлечены крупнейшие художники того времени, в первую очередь Васнецов и Нестеров (рис. 7). Врубель тоже должен был работать. Но так получилось, что там осталось только несколько врубелевских орнаментов. Но Нестеров и особенно Васнецов внесли очень большой вклад в роспись Владимирского собора. Это такое соединение церковных сюжетов с реалистической манерой, характерной для того времени, и с попыткой творчески переосмыслить некоторые иконописные каноны, что также вызвало тогда в обществе значительный резонанс.



Роспись Владимирского собора в Киеве (1885–1896).
В.М. Васнецов, Н.В. Нестеров, М.В. Врубель

Рис. 7

Костюмированный бал во дворце великого князя
Владимира Александровича (январь 1883 г.)

Рис. 8

В целом нужно сказать, что вот эти моменты, обращение к допетровской старине, в официальной символической политике используются очень широко в разного рода официальных мероприятиях, в празднествах. Январь 1883 года — костюмированный

бал во дворце великого князя Владимира Александровича, брата Александра III. Все гости должны были явиться в костюмах, не просто напоминавших о деяниях XVII века. Нет, это не была какая-то игра. Они восстанавливались специалистами-историками, специалистами по быту того времени, специалистами по художественным костюмам. Они имели свои точные прообразы в точных описаниях того времени. Жена Александра III, Мария Фёдоровна, была в одежде царицы XVII века. Правда, сам Александр III в этот маскарад играть не стал. Он явился на бал в обыкновенном генеральском мундире (рис. 8).

Май 1883 года. Вообще такое масштабнейшее мероприятие, как считают многие историки, центральное массовое мероприятие в царствование Александра III — коронация. И вот эти мотивы XVII века, возвращение к наследию допетровской Руси широчайшим образом использовались, в частности, в меню торжественных обедов, ужинов. Это тоже произведение искусства, не что-то второстепенное, это создавалось тем же Васнецовым (рис. 9). Вообще, художники-передвижники были активнейшим образом вовлечены в оформление этого празднества. Мотивы древнерусского искусства, орнаментов, утвари также использовались очень широко в этом плане.

Меню торжественных обедов и ужинов на коронации Александра III (май 1883 г.)

Рис. 9

Если говорить об идеологической политике, одним из воплощений которой были эти символические демонстрационные действа, конечно, можно заметить из всего ранее сказанного, что очень большую роль играли элементы, связанные с церковностью. А в общественном сознании, да и объективно, допетровская Русь — это время широчайшего распространения и очень мощного влияния церковных начал. И возрождение того уклада непременно должно было отразиться в стремлении возродить и церковное влияние на общество.

Это, кстати, пришлось на период, когда на посту обер-прокурора Святейшего синода оказался не кто иной, как бывший воспитатель Александра III, тот человек, который пропагандировал ему идеи Достоевского, а именно Константин Петрович Победоносцев. Обер-прокурор — чиновник, отвечавший за связь правительства с православной церковью. Его назначили ещё до воцарения Александра III, в апреле 1880 года. Но это пришлось очень кстати. И после воцарения Александра III Победоносцев стал одним из самых влиятельных политиков этого царствования. Во всяком случае, где-то до второй половины 80-х годов. И, пользуясь своим политическим влиянием, он, конечно, развернул масштабнейшую и не имевшую абсолютно никакого прецедента в тогдашних европейских реалиях политику не то что оцерковления, а реоцерковления общества.

Вот несколько количественных показателей, которые говорят об этом (рис. 10). При Победоносцеве была остановлена политика сокращения приходов. Начался противоположный тренд: численность духовенства, значит, и численность приходов выросла в очень значительной степени, а численность чёрного духовенства, монашествующего, выросла вообще беспрецедентно. В царствование Александра III каждый год открывалось до 250 храмов и до 10 монастырей.

Деятельность К.П. Победоносцева на посту обер-прокурора Синода

- Прекращение курса на укрупнение приходов, открытие новых храмов и расширение состава причтов
- Рост численности белого духовенства за 1881–1894 гг. на 20% (до 57 тыс.)
- Рост численности монашествующих на 64 (до 45 тыс.)
- Ежегодно открывалось до 250 храмов и 10 монастырей
- Рост числа церковных школ для народа за 1881–1903 гг. в 10 раз (до 44 400), количества учащихся в них — в 20 раз (до 1 900 000). Увеличение государственных ассигнований на церковные школы в 600 раз (до 10 300 000 руб.).

Рис. 10

Важнейшим элементом политики стала программа создания церковно-приходских школ, о которых упоминал Юрий Александрович. Причём эта программа вообще не имеет прецедентов нигде, никогда и ни в чём. Юрий Александрович меня может поправить, но чтобы где-нибудь, в какой-нибудь сфере и по какой-нибудь статье государственное финансирование возрастало в 600 раз за исторически обозримый период, а именно во столько раз оно выросло за 25 лет в плане поддержки церковно-приходских школ, — такого прецедента вообще в истории не существует. А с церковно-приходскими школами Победоносцева именно так и произошло. Это была ситуация, когда уделялось очень много внимания идеологическим аспектам воздействия новой политики на общество.

- 1881 — Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия
- 1882 — Временные правила о печати
- 1884 — Университетский устав
- 1889 — закон о земских начальниках
- 1890, 1892 — новые Земское и Городовое положения
- 1893 — закон о неотчуждаемости крестьянских наделов, запрете досрочного выкупа земли

Но если брать не идеологические, не духовные, а сугубо административные моменты, то здесь, конечно, дело обстояло существенно иначе. Здесь, как это показал Юрий Александрович, с чем я согласен, у консерватизма не нашлось других вариантов, кроме как подчинение созданных в 60–70-е годы институтов более жёсткому бюрократическому контролю. В результате это вызвало нарастание напряжённости и впоследствии привело к сильным общественным конфликтам.

Земство, земские органы самоуправления были существенно ограничены. Когда в начале 1895 года, представляясь новому монарху Николаю II, депутаты от земств попросили расширения возможности для участия земских органов в делах государственного управления, Николай II, воспитанный, кстати, тем же Победоносцевым, (Победоносцев был таким долгожителем в верхах), назвал это бессмысленными мечтаниями. Это сразу же задало очень конфликтный тон его царствованию.

Конечно, — здесь я опять-таки соглашусь с Юрием Александровичем, — очень негативные последствия имела политика закрепления сословного неравноправия крестьян и заморозки крестьянской общины. Закон 1893 года о неотчуждаемости крестьянских наделов, запрете досрочного выкупа из общины, конечно же, сыграл очень негативную роль.

Здесь я приведу несколько цитат. Точнее, всего две цитаты современников, которые говорят об этом. Был такой известный общественный государственный деятель Наумов. В начале 1900-х он как раз был одним из земских начальников, во время Первой мировой войны он недолго занимал пост министра земледелия. Наумов свидетельствовал, какое негативное влияние оказал этот закон на сильных, крепких крестьян, которые хотели выделиться из общины, на которых потом будут делать ставку при Столыпине, но тогда будет уже поздно.

Сохранилось, правда со слов одного из современников, высказывание Столыпина о том, что нужно было тогда, в конце 80-х — начале 90-х годов, не замораживать сословную обособленность крестьян и общину, а, наоборот, заниматься землеустройством. Землеустройством — значило как раз выделением из общины сильных крестьян. Потеряно много времени и нужно приступать к этому экстренно. Но, к сожалению, как мы знаем, экстренные меры не сработали. Времени для осуществления реформ, на которые рассчитывал Столыпин, у него не оказалось.

Законом 1893 г. «был нанесен тяжкий удар тем сравнительно немногим лицам, крепким и хозяйственным, которые, доверяя незыблемости законов, твердо уповали на возможность выделения своих земель из общей надельной массы». Закон «надолго отучил население думать о том выделении на земельные ''собственные'' участки, которое через какие-нибудь 15 лет стало лозунгом дня и предметом даже излишней спешки, если не сказать насильственных мер».

А. Н. Наумов, *земский начальник в Самарской губернии (1893–1902), министр земледелия (1915–1916)*

П. А. Столыпин, 1910:

«Когда вводили в деревне земских начальников, сохраняя крестьянскую общину и юридическую обособленность крестьянского земельного строя — обособленность, граничившую с крестьянским бесправием, — вот тогда вместо земских начальников или вместе с ними надо было нам начать нынешнюю работу по крестьянскому землеустройству... А то мы потеряли с устройством крестьян 20 лет, драгоценных лет, и надо уже лихорадочным темпом наверстывать упущенное».

Тхоржевский И.И. «Последний Петербург».

А политика времён Александра III, как я уже сказал, оказала очень сильное влияние на его сына Николая II. И очень многое в том же символическом плане продолжало линию отца. Костюмированный бал 1903 года, проведённый при Николае II, был уже полностью в стиле XVII века. Николай II в одеждах Алексея Михайловича. Его жена в одеждах Марии Милославской, жены Алексея Михайловича (рис. 11).

Такое же активное использование отсылок к допетровскому наследию в архитектуре. Это так называемый Фёдоровский государев городок в Царском Селе (рис. 12). Фёдоровский — по имени Фёдоровской иконы Божией Матери, наследственной иконы Романовых. Это такой анклав, который полностью выстроен в стиле допетровской архитектуры.

Николай II (правил в 1894–1917) и императрица Александра Федоровна

Рис. 11

Федоровский государев городок в Царском Селе (архитектор В.А. Покровский)

Здание офицерского собрания (1911)

Федоровский Государев собор (1912)

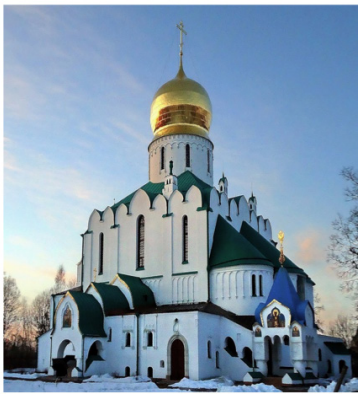


Рис. 12

Во многих других случаях подобные символические явления имели место в сфере политики и в сфере идеологии. Это постепенно вело ко всё большему замыканию верхов в таком несколько искусственном идеологическом мире. Это становилось опасным на фоне нарастающих общественных противоречий, что в конечном итоге имело трагические последствия. Но это, я имею в виду идеологическую политику того

времени, конечно, было порождением своей эпохи. И в данном отношении, конечно, представляет несомненный интерес и заслуживает всемерного активного изучения.

Спасибо за внимание. Буду рад ответить на вопросы.

С.В. Егерев, *главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук*

Большое спасибо за доклады, они очень интересные и полезные. Хотел бы задать вопрос общего характера. Из докладов следует, что консервативная эпоха не препятствует росту инвестиционной привлекательности страны. При этом стимулируются как технологический, так и общеэкономический прогрессы. Однако, по-видимому, для достижения успеха требуется большая доля ручного управления от первого лица, губернаторов и далее по иерархии. Как мы только что узнали, Александру III приходилось даже лично курировать роспись собора.

Правильно ли считать, что ручное управление — это важный атрибут консервативной эпохи? Также можно сделать следующий вывод: по-видимому, одним из условий успеха является отсутствие второй ветви власти. Так как риски для эволюционного консервативного развития, как показывает история (имеем много фактов), возникали в результате конфликта между ветвями власти, вплоть до полного обрушения государства. Правильно ли так считать? Спасибо.

С. В. Егерев

А.Ю. Полунов

Юрий Александрович, поскольку вопрос про экономику, наверное, будет резонно, если начнёте вы.

Ю.А. Петров

Александр III, я думаю, сам контролировал роспись соборов по своему внутреннему побуждению, увлечению. Скорее всего, так.

А что касается ручного управления, то, пожалуй, соглашусь с вами. При всём богатстве бюрократических инстанций и обилии чиновников, не хватало властных институтов, которые могли бы оказать реальное содействие императору в его начинаниях.

Я думаю, что симпатия Александра III к Сергею Витте началась с момента трагедии в Борках, крушения императорского поезда. Витте единственный, кто говорил, что нельзя по этой дороге ехать с такой скоростью, но его не послушали, и произошла катастрофа. Александр III умел видеть людей, поднимать их из самых низов. Витте тогда был на средней должности, а стал сразу министром железных дорог, затем и министром финансов. Надо отдать должное Александру III, он умел подхватывать таких людей, и Витте на всю жизнь сохранил о нём благодарную память. Но вместе с тем необходимых инстанций, где бы могли концентрироваться такие люди, которые проводили бы последовательно его идеи, мне кажется, таких инстанций или институтов всё же не хватало.

В этом, наверное, есть парадокс и трагизм самодержавного образа правления, когда глава государства может в своих идеях уйти далеко вперёд, но насколько реализуем этот курс? Может ли он быть осуществим теми силами, которые есть в его распоряжении? Этот вопрос всегда актуален.

Катастрофа императорского поезда 17 октября 1888 года. Борки.

А.Ю. Полунов

Я бы добавил от себя, что это действительно было ручное управление в рамках той системы, которую создавал Александр III, которую пропагандировал Победоносцев. В общем смысл был какой? Очень резкое отталкивание от того, что происходило в 1860–1870-е годы, причём отталкивание идеологическое.

Стремление предоставить самостоятельность обществу, допустить некую децентрализацию воспринималось очень остро как безответственность. Как Победоносцев писал в письме Е.Ф. Тютчевой, «... сбросить с себя бремя ответственности, пустить куда-то в пустое пространство — в так называемое общество важнейшие функции государственной власти». Его это просто бесило. Он вообще был такой очень страстный человек. Снять с себя ответственность — это безнравственно, это стремление к безделью и так далее. Нужно отдавать себя работе, которая сжигает тебя, поглощает тебя с утра до вечера.

Всё это звучало очень правильно, произносилось с горящими глазами. Это очень влияло на такого человека как Александр III, который был, конечно, внушаем в определённой степени. Но представьте себе управление гигантской страной к концу XIX века уже с населением сто миллионов. Да, правильно, развивается гигантская индустрия. Но, представляете, всё это стекается к одному человеку! Этого человека со временем просто разорвало изнутри. И преждевременная смерть Александра III в возрасте сорока девяти лет — да, непосредственной причиной послужила болезнь почек, нефрит. Но лечившие его врачи как один отмечали, что это всё, конечно, на почве постоянного нервного перенапряжения. Сознание — психологический момент тоже играл свою роль — сознание того, что дело идёт куда-то не туда.

Отсутствие баланса власти — многие, в том числе консерваторы, замечали, что нужен был баланс. Был такой консервативный общественный деятель, чиновник Константин Фёдорович Головин, который оставил очень интересные мемуары. Он писал, что в 1885 году, когда революционеры были разгромлены, а популярность императора была на пике — вот тогда надо было ввести очень консервативное представительство. Тогда все были за монарха, никакой оппозиции. Тот же Витте, который благоговел перед Александром III, писал, что, скорее всего, царь вступил бы на путь «спокойного либерализма», если бы он прожил дольше. А что такое либерализм в тех понятиях? Это всё большее привлечение общества к делам управления, финальной стадией которого должно было стать то же самое представительство. То есть необходимость этого все чувствовали. Без этого какой-то баланс в управлении обеспечить было нельзя.

Что касается прогресса — индустриального прогресса, не общеэкономического, —то, что собой представляло сельское хозяйство, в это понятие прогресса не вписывалось. Прогресс как цель был поставлен в сфере индустрии. В сфере сельского хозяйства как цель была поставлена стабильность и консервация, причём в очень значительной степени мотивированная идеологически. Юрий Александрович совершенно правильно сказал, что общину замораживали как фискальный полицейский институт. Но не только потому. Была мощнейшая идеологическая установка на то, что вот этот патриархальный крестьянин-общинник, который живёт в деревне, верен дедовским обычаям, который не затронут зловредным влиянием города, — это наша опора.

Но развиваться в двух расходящихся направлениях было невозможно. В конце XIX века это какое-то время работало, с началом XX века стало давать сильные сбои.

Ю.А. Петров

Прошу, ещё вопросы?

В.Е. Дементьев, *руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Александр Юрьевич, у меня более приземлённый вопрос. Существует точка зрения, что есть связь между питанием и идеологией. Вы показали нам обложки меню. Можно ли что-то сказать о наборе блюд, может быть, даже в повседневном питании? Как здесь с консерватизмом дело обстояло?

А.Ю. Полунов

Здесь с консерватизмом обстояло всё хорошо. Александр III любил простую еду. Кашу, щи, в качестве десерта так называемую гурьевскую кашу, пил квас. Правда, у него был такой любимый прохладительный напиток — он тучный был, ему было жарко, много пил холодного, что, кстати, не очень хорошо на его здоровье сказалось, —шампанское пополам с квасом. Такая своеобразная смесь, синтез западничества и славянофильства. Он любил простую еду, но на парадных обедах, ужинах, конечно, подавалось то, что входило в тогдашние нормы. Но в еде он был очень умерен.

Юрием Александровичем был затронут вопрос об алкоголизме. Совершенно точно он не был никаким алкоголиком. Это была выдумка, я даже могу рассказать, как она появилась, но это отдельный сюжет. Он выпивал чарку для аппетита за обедом. И в целом в своей повседневной жизни тоже отличался очень большой скромностью. Жильё было в Гатчинском дворце очень простое. Комнаты с низкими потолками, которые по некоторым версиям вообще предназначались для прислуги, а они [царская семья] там поселились.

В.Е. Дементьев

В плане одежды тоже не любил милитарной помпы, которая характерна была для его предшественников. Резко сократил количество парадов, количество членов своей свиты. Резко сократил, кстати, средства на содержание императорской фамилии.

Принял известный закон об императорской фамилии [«Учреждение об императорской фамилии», 1886], который ограничивал численность людей, имевших титулы великих князей. За что, естественно, удостоился не очень хороших отзывов со стороны своих родственников, но тем не менее настоял на этом.

Стремление к самобытности в частной жизни, в том числе в питании, не всегда, может быть, идеологически мотивированное, а просто потому, что так ему было приятно, но это проявлялось.

В.А. Громов, *профессор НИУ ВШЭ, доктор физико-математических наук*

Скажите, пожалуйста, вы несколько раз подчёркивали, что в России в царствование царя-миротворца началась индустриализация. Но вместе с тем 1905 год — это не так сильно поздно после его кончины — Русско-японская война, которую Россия встретила, в общем, индустриально неготовой. Япония тогда не входила в число первых держав.

Считаете ли вы это следствием той половинчатой политики, о которой упомянули? Или какими-то объективными процессами это объяснялось?

Ю.А. Петров

Попробую ответить. Почему вы считаете, что Россия экономически была не готова к войне с Японией? Я бы поставил вопрос так: а в чём было отставание? Линкоры были у нас пожиже? Да, потому что японцам в Соединённых Штатах и в Англии строили по самым новейшим образцам. Но это вовсе не означало решающего, я бы сказал, превосходства Японии. Винтовки? Но наши винтовки лучше. Их знаменитая шимоза — взрывчатое вещество, — но наши пушки были отнюдь не хуже.

Мне повезло, я был в Порт-Артуре и видел на месте, где это всё шло. Это был очень узкий участок гористой местности с гаванью, оборонять который было невероятно трудно. А мы его обороняли. И если бы Стессель[3] не сдал Порт-Артур, можно было бы продолжать оборонять и дальше.

Поражение наше в Японской войне не связано, мне кажется, напрямую с экономическим потенциалом. Там были иные причины, на которых сейчас не буду останавливаться. Прежде всего, мне кажется, неготовность высокого командования и пренебрежительное отношение к противнику — вот это шапкозакидательство сыграло с нами злую шутку. А так война была на равных. И даже Цусима ещё не означала окончательного поражения России.

В.Е. Дементьев

Вроде пушки более дальнобойные у японцев были?

Ю.А. Петров

А в Порт-Артуре даже этого и не требовалось.

---

[3] Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) — русский генерал-адъютант, генерал-лейтенант, комендант Порт-Артура во время Русско-японской войны. В 1908 году по суду за сдачу крепости Порт-Артур был приговорён к смертной казни и лишен всех наград и чинов.

В.А. Громов
На кораблях?

Ю.А. Петров
На кораблях, да. Но я повторяю, они были поновее, чем наши корабли. И были заказаны позже. И технологический прогресс там был выше. Я с этим соглашусь.

А.Ю. Полунов
Я ещё сказал бы, что в Русско-японской войне сыграл большую роль фактор расстояния. Понятно, что России приходилось вести войну за тысячи километров от тех территорий, где находилась её и демографическая, и экономическая база. Транссиб был проложен, но это была одноколейная дорога на тот момент. Это была дорога с не очень крепкими насыпями, не очень крепкими рельсами. Тяжёлые составы по ней гонять было нельзя. Самое важное — ещё не была проложена Кругобайкальская дорога (КБЖД), приходилось переправляться через Байкал либо по льду, либо на паромах. Конечно, там пропускная способность была не ахти какая. А Япония вот она здесь, под боком. Это создавало ситуацию очень неравновесную.

Ю.А. Петров
Если вопросы иссякли, коллеги, то мы переходим к выступлениям. Господин Бортко, пожалуйста!

В.В. Бортко, *режиссёр, сценарист, народный артист России*
Здравствуйте! С самого начала хотел уточнить, я немножко читал по поводу алкоголизма Александра III и всего остального. «Голь на выдумки хитра» — он был изобретателем этой замечательной фразы. Что имелось в виду? Жена не позволяла пить. И он со своим министром внутренних дел Черевиным[4] носил при себе плоские бутылки, которые сейчас есть уже во всём мире. Изобретатель — наш уважаемый Александр III. Там было много чего интересного. Выпивал он достаточно прилично. Хотя я лично уверен, что он умер не от этого. Его просто отравили, каждый император кончал плохо. Но не об этом сейчас речь.

Я хотел сказать, что́ есть русофобия, что это такое? Лица какие-то не те? Или в чём дело-то? Хочу обратить внимание, сколько у нас уехало русофобов из страны. Около миллиона? Примерно так. И ещё одно. С какой радостью страны народной демократии покидали Варшавский договор! Их оттуда вытесняли? Нет. Естественно, западное влияние было. Но только ли? Думаю, что нет. Покажите, пожалуйста, ещё раз скульптуру Трубецкого, скульптуру царя на лошади. Вот! Что это? Чего хотела Россия, несмотря на то что это был Советский Союз, от стран народной демократии? Следования абсолютному тоталитарному устройству. Варианты не допускались ни внутри страны, ни за рубежом. Естественно, после этого эти самые страны с большим удовольствием оттуда ушли.

Но это — тенденция, собственно говоря, посмотрите на историю, в феодализме было то же самое. Здесь царь-батюшка, там король-солнце, всё нормально, всё

[4] Пётр Александрович Черевин (1837–1896) — генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел и шефа жандармов, последний глава Третьего отделения.

хорошо. А потом произошла французская революция. Liberté, Egalité, Fraternité — Свобода, Равенство, Братство — там, на Западе, оказало колоссальное влияние. А у нас? Увы! Россия сохранилась в таком виде, в котором она была. И не могла быть другой никогда! Это невозможно. В силу разных усилий. Например, самая прогрессивная философская теория — марксизм. Это западная либеральная теория. Во что это превратилось здесь у нас? В абсолютно тоталитарную страну. И не могло быть по-другому! Ни-ко-гда! Почему? Страна бы развалилась сразу, мгновенно! Ибо она нуждается, хотим мы того или не хотим, в царе-батюшке. Без этого она разваливается, потому что она так устроена.

В. В. Бортко

В Советском Союзе, понятно, это держалось на идеологии. Жёсткой, единственно допустимой идеологии, и таким способом держалась страна! Вспомним Ельцина: берите, пожалуйста, от демократии то, что хотите! Что началось? Распад страны мгновенный и сразу! Дошло до «уральской республики». Тем более, что сделали большевики? Они воспитали элиту национальных республик. Страна наша устроена очень интересно, она ведь не только Псковская и всякая другая область. Здесь национальные республики. Что такое Республика Татарстан? Гимн, флаг и президент, история, почти равная нашей, и главное — земля.

Если мы хотим иметь единую Россию, тогда и устройство России будет весьма оригинальным. Либералы, которые, в принципе, хорошие люди, которые хотят чего-то другого, — а это значит хотеть развала страны. Автоматически, сразу же! Со всеми вытекающими отсюда последствиями и кровавыми событиями. Хотя бы в том же Татарстане. Представьте себе отделение Татарстана: пятьдесят на пятьдесят русских и татар — что будет дальше? Не надо, 1552 год, взятие Казани, покажется детскими сказками. Хотим мы этого? Нет. Попытка была — 90-е годы. Плохая попытка, что ли? Нет. Человек в центре, он самое главное — чего плохого-то?

Плохое только одно: в стране ничего не остаётся. Ничего! Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что происходит, на мой взгляд, сейчас? Продолжение дела славного монарха, возврат к традиционной России. То же самое: царь-батюшка, полномочия почти такие же, если не больше. Дальше. Дворяне и бояре — страна должна же управляться, он сам-то один не может — их же нужно кормить чем-то. Чем? На кормление, зарвавшихся — сажать, не зарвавшихся — оставлять. И со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Дальше начинается что? Демократия. Какая, если демократия возвращается к власти? Суверенная. Да её нету! Мы что, не знаем, кого сейчас изберут в президенты? А по-другому можно? Нет, нельзя! Не дай Бог вот сейчас, завтра, то, что наши украинские друзья называют «похороним нашего царя», — что здесь начнётся? Лучше не вспоминать. Поэтому естественное движение — что? Преемник. Прямое повторение царя-батюшки.

Кто, когда здесь был избран? Учредительное собрание кто-то избирал? Или на съездах партии кто-то выбирал Горбачёва, а потом его свергал? Да откуда появился наш дорогой президент в 1999 году? Избирал кто-то? Прямая передача власти. То же самое будет и сейчас.

По-другому можно? Да, можно! Честно говоря, думал об этом на досуге: унитарное государство, договор между народами, составляющими эту страну. Народы, населяющие страну, на референдуме должны высказать свою точку зрения — и тогда возможно унитарное государство или демократия. Но это всё благодушное пожелание.

И тогда, и сейчас Россия управляется одинаково. При помощи единоличной власти. Другой здесь нет, не было и не будет. И вечная память нашему дорогому Александру III, который, на лошади сидящий, просто воплощение того, как надо управлять страной. Либеральные попытки — я сам внутри большой либерал — увы, ни к чему хорошему здесь не приведут. Надо менять устройство страны. Я всё сказал. Спасибо.

Ю.А. Петров

Замечу лишь, что лозунг «менять устройство» может плохо кончиться для страны и привести к тому самому распаду, о котором вы сегодня говорили.

Я вижу, Семён Аркадьевич Экштут хотел бы выступить.

С.А. Экштут, *заместитель шеф-редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор философских наук*

У меня три тезиса. Термин «просвещённый консерватизм», при всём уважении к Н. С. Михалкову, принадлежит князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Второе, я отвечу на вопрос В. И. Данилова-Данильяна насчёт княгини Юрьевской. Для будущего Александра III женитьба отца на Юрьевской была сильнейшим шоком. Недавно издательство «Связь Эпох» опубликовало первоклассный исторический источник — дневник сенатора Александра Александровича Половцова за 1859–1882 годы. Автор дневника был мужем Надежды Михайловны Июневой, внебрачной дочери великого князя Михаила Павловича, дяди Александра II. Половцов

лучше других своих современников представлял, что происходит за кулисами большой политики. Дневник сенатора позволяет понять, как реагировало высшее общество на роман императора с княжной Екатериной Долгоруковой. Многолетняя связь царя с княжной Екатериной Долгоруковой возбуждает раздражение сенатора, полагающего, что роман императора, который Александр II не считал нужным скрывать от публики, дискредитирует не только государя, но и сам институт самодержавия. «Любопытно знать, что у этого человека делается в голове, когда он ведёт детей своей любовницы играть игрушками своих внучат!»[5]

С. А. Экштут

На придворные круги это произвело сильнейшее впечатление. Ведь там были такие недопустимые и возмутительные с точки зрения светских приличий вещи, когда Юрьевская разъезжала после смерти императрицы в её карете; когда отправилась на отдых в Ливадию, то заняла комнату императрицы; более того — она заняла покои императрицы в Зимнем дворце. Наследник Александр Александрович и его супруга Мария Фёдоровна были шокированы поведением императора. Цесаревич пригрозил отцу: если император коронует светлейшую княгиню Юрьевскую (этот титул княжна получила после заключения морганатического брака с Александром II), то он вместе с женой и детьми уедет в Данию! Иными словами, Дом Романовых стоял на пороге династического кризиса, а Российская империя — на пороге новой Смуты.

Придворные круги это понимали, и убийство Александра II, при всей трагичности ситуации, многими было воспринято как облегчение, как выход из своеобразного тупика, если судить не по воспоминаниям, а по дневникам современников — они точнее отражают непосредственные эмоции.

---

[5] Половцов А. А. Дневник. 1859–1882. В 2 т. Т. II. 1878–1882. М.: Связь Эпох, 2022. С. 72. — *С.Э.*

Наконец, третий пункт. Я хочу сказать о печально известном «циркуляре о кухаркиных детях». У нас принято его ругать, осуждать, у нас принята такая точка зрения, что этот циркуляр осложнил восходящую мобильность, закрыл возможность для получения среднего, потом высшего образования, потому что поступить в университет без гимназического аттестата было невозможно. Такова устоявшаяся, но поверхностная точка зрения на циркуляр. На самом деле всё было сложнее, и в этом и проявился консерватизм Александра III — почему был одобрен этот циркуляр, который подписал граф Делянов Иван Давыдович, министр народного просвещения.

Когда власть стала интересоваться, из кого состоят слои революционеров, было произведено своеобразное социологическое исследование и выяснилось, что 50% участников — это выпускники высшей и средней школы. И власть пришла к выводу, что надо что-то поправить в системе среднего и высшего образования. Как поправить, никто толком не знал. Начали с профессорской корпорации, потому что власть резонно посчитала, что профессора заигрывают со студентами. А почему заигрывали — потому что, когда человек поступал в университет, а обучение было платным, сначала платили 3 рубля в пользу университета за семестр и по 1 рублю каждому профессору за недельную лекцию, но не более 25 рублей в семестр.

При Александре III плату увеличили и в год надо было платить по 100 рублей одному профессору, то есть деньги были изрядные. Власть считала, что, если человек происходит из бедной семьи, он сначала учится восемь лет в гимназии, потом ещё пять лет в университете, следовательно, долгих тринадцать лет семья его должна кормить. А после того как юноша окончит университет, ещё не факт, что он получит штатное место, которое позволит ему себя достойно содержать. И наряду с этим «циркуляром о кухаркиных детях» были основаны реальные училища — средние учебные заведения, которые давали реальную профессию в руки, позволяющую прокормить и себя, и семью.

В этих училищах давали не абстрактные книжные знания — как Ленин говорил, 9/10 знаний ненужных, 1/10 бесполезных, — а стали давать реальные знания, востребованные практикой. Люди становились агрономами, виноградарями. Ведь в Крыму, смешно сказать, невозможно было найти человека, который бы взрастил виноградники и приготовил хорошее вино. У военного министра Милютина был очень хороший винодел, которого переманили за большие деньги, был конфликт. Казалось бы, подготовь нужных специалистов!

Ещё во времена Александра I Лагарп (учитель Александра I) ему говорил, что Россия нуждается не в высшей школе, не в университетах, Россия нуждается в реальном образовании, которое способно кормить. Более того, отныне эти реальные училища, а не только гимназии, открывали дорогу к получению высшего образования, но, разумеется, не на историко-филологическом или юридическом факультетах. И это был настоящий прорыв, который ухитрились не заметить современники.

Консерватизм Александра III и заключался в том, что, с одной стороны, затруднили получение классического среднего, гимназического образования и, соответственно, высшего образования. С другой стороны, стали создавать вот эти средние специальные учебные заведения, которые готовили очень хороших специалистов, где человек быстрее мог получить профессию, способную его прокормить. Без этого обстоятельства все контрреформы Александра III не очень понятны.

Далее, почему так преобразовали университетский устав. Я подчёркиваю, профессорская корпорация очень заигрывала со студентами. Александр III сказал очень жёстко, по-казарменному жёстко: пусть профессор посидит без хлеба и тогда подумает, выступать ему против власти или не выступать. И власть, с одной стороны, закрутила гайки, с другой стороны, повысила социальный статус профессоров. При Александре III университетский профессор мог дослужиться до тайного советника. Это 3-й класс по Табели о рангах, генерал-лейтенант. Ординарный профессор стал получать 3 тысячи рублей в год — это в десять раз больше, чем квалифицированный рабочий в ту пору. Министр Делянов получал 24 тысячи. Таков порядок цифр. Большего власть дать не могла.

Другое дело, что с этого момента произошла своеобразная «монетизация» труда профессорско-преподавательского состава, возникла нездоровая конкуренция между преподавателями, они стали друг у друга перебивать часы, появились университетские парии, так называемые приват-доценты. Если вы посмотрите, кто принимал участие в революционном движении или по крайней мере сочувствовал грядущему ниспровержению основ, обязательно обнаружатся приват-доценты, потому что жалованья эти достойные люди не получали и должны были ждать, когда освободится какая-нибудь профессорская ставка. А до этого жили лишь за счёт того, что читали какие-то необязательные курсы в университетах и студенты им платили деньги по установленной таксе. Максимум такой приват-доцент мог получить 600 рублей в год, а это очень мало. Если учесть, что подписка на толстый журнал стоила 4 с полтиной рубля в год, то денег даже на книги не хватало.

Но власть, слишком сильно закручивая гайки, срывала резьбу, потому что студентам запрещали создавать читальни, запрещали создавать кухмистерские [столовые]. А где бедному студенту было перекусить? Негде, потому что все эти трактиры были ему не по карману. То есть студентов трактовали как неполноценных членов общества. Им запрещали собираться больше пяти человек, и если их собиралось больше, — а они носили студенческую форму, их легко было посчитать, — то дворникам было положено докладывать об этом в полицию[6]. Эти охранительные меры, которые были продиктованы известными рациональными соображениями, вызвали сильнейшее раздражение в обществе. Потому что Великие реформы Александра II изменили психологию россиян, образованное общество не хотело, чтобы с ним обходились как с ребёнком, лишённым гражданских прав. Оно жаждало этих прав и готово было за эти права бороться.

Что из этого вышло, мы уже видели. Ровно через 30 лет, то есть через одно поколение после «циркуляра о кухаркиных детях» произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, она же Русская Смута, она же Великая Российская революция — кому как больше нравится. Так что все консервативные реформы и контрреформы — как двуликий Янус, они имели два лица, и разбираться нам в этом только предстоит, к этому историки только-только приступили, с моей точки зрения.

Всё, спасибо.

---

[6] Никонов С. А. Жизнь студенчества и революционная работа конца восьмидесятых годов // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 145. — *С.Э.*

Ю.А. Петров

Спасибо. Двуликость — это, конечно, общая черта нашей истории. Хотя я не вполне с вами согласен по поводу Делянова и его циркуляра: система реальных училищ, коммерческого образования существовала до этого циркуляра. И возможности такие были. Поэтому не всегда власть принимала свои решения, исходя из мысли о благе подданных. Не всегда.

Пожалуйста, кто хотел бы взять слово? Коллега Поваляев, пожалуйста, вам слово.

М.В. Поваляев

Представление об Александре III как о подлинном реформаторе мне видится сильно преувеличенным. Безусловно, была какая-то потребность в том, чтобы исправить очевидные недостатки реформ 60-х годов. Например, было очевидно практически полное отсутствие полицейской власти в деревне. Но изменить общее либеральное направление движения общества было уже нельзя. И даже сам Александр III не очень на это рассчитывал и надеялся.

М.В. Поваляев

Достаточно сказать, что соавтором упоминавшегося здесь уже письма Александру III от Исполнительного комитета «Народной воли», которое было написано, ещё когда Софья Перовская была на свободе, когда кровь Александра II ещё не остыла, — соавтором письма был Николай Константинович Михайловский[7], главный редактор одной из самых популярных тогдашних газет, и, можно сказать, властитель дум либеральной интеллигенции, а вовсе не отморозок и не убийца. Но вот

[7] Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — русский социолог, публицист и литературный критик, теоретик либерального народничества. В 1869–1884 гг. — соредактор «Отечественный записок», редактор журнала «Русское богатство». Участвовал в органе «Народная воля», публиковал статьи в одноимённой газете. http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/mihaylovski_nk.php

он совершенно не постеснялся прийти в собрание цареубийц и внести какую-то стилистическую правку в это письмо, которое казалось ему уместным. Настроение общества было именно таково. И после этого Михайловский вовсе не был сослан в Сибирь и не был расстрелян[8]. Его пару раз отстранили от редакторства, но он продолжал быть очень уважаемым человеком и властителем дум.

Что касается ручного управления. Мы говорим об этом как о чём-то плохом. Но, может быть, это суть реальной монархии. Не там, где царь такой декоративный и занимается исключительно искусством, сочиняет стихи, как какой-нибудь японский средневековый император, а реальное управление. Действительно, это было время, когда, если я не ошибаюсь, Юрий Александрович меня поправит, уставы акционерных обществ подписывал император.

Ю.А. Петров

Да. Потом министр финансов стал подписывать, поскольку их стало очень много.

М.В. Поваляев

Но отличные же были акционерные общества! Некоторые до сих пор существуют в слегка изменённой форме.

Ю.А. Петров

Но некоторые лопнули, несмотря на визу императора.

М.В. Поваляев

И особенность личности Александра III, очень важная, пожалуй, уникальная для царя, — это был такой бизнесмен на троне. Мы видим в нём такого военного человека, традиционно изображаем его в форме, но у него была какая-то очень необычная для царя склонность заниматься бизнесом. Он всегда любил деловых людей и приближал их к себе. И его симпатия к Витте — это не исключение, скорее правило. Будучи совсем молодым цесаревичем в конце 60-х годов, он провернул очень неплохую операцию по снижению биржевой цены хлеба во время голода. И это требовало какой-то большой хватки, больших знаний людей.

Из прекрасного доклада Александра Юрьевича [Полунова] мы видим, что Александр III был совершенно гениален в своей культурной политике. Он фактически совершил поворот в сторону государственного русофильства. Это тоже требовало и незаурядной последовательности, и любви к прекрасному, и художественного вкуса. Что совсем не соответствует его биографии, написанной марксистами, например Николаем Троицким, где Александр III фигурирует как человек невежественный, какой-то школьно-безграмотный и так далее. А как школьно-безграмотный человек мог осуществить такую мощную культурную политику!

И несколько замечаний о реальном образовании. Когда люди получают реальное образование, а не университетское, это вовсе не панацея от революционных

---

[8] За связи с народовольцами Михайловский в 1882 году был выслан в город Любань Новгородской губернии, затем в Выборг, где находился до 1886 года, а в 1891 году подвергся кратковременной ссылке за участие в демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова.
[b]ttp://federacia.ru/encyclopaedia/history_face/mikhaylovsky/

настроений. Достаточно вспомнить, что нечаевский кружок [«Народная расправа»], членом которого был несчастный студент Иванов[9], был создан в Петровской сельскохозяйственной академии, абсолютно прикладном учебном заведении[10]. Кроме того, правление Александра III было периодом торжества самого такого густопсового (махрового) классицизма в образовании — и в высшем среднем, то есть в гимназическом, и в университетах. Граф Дмитрий Толстой, конечно, перестал уже быть министром народного просвещения, но зато стал министром внутренних дел. Одновременно с этим он, кстати, был президентом Академии наук. Случай, наверное, уникальный в русской истории, когда первый министр одновременно и президент Академии наук. Историк, президентом Академии наук он стал за свои научные заслуги. Кстати, в основном историк образования. Историк церкви, историк образования.

В заключение одно слово в защиту Николая II. Всё-таки мало кому из монархов, которые сталкиваются с полномасштабной революцией, удаётся её подавить. И упрекать монарха в том, что он не сумел подавить две революции подряд — это уже требовать от него каких-то способностей супермена, что трудно найти в реальной жизни, а не в сказке. Поэтому Николая II я бы тоже не недооценивал.

Ю.А. Петров

Спасибо большое. Кто ещё хотел бы высказаться?

А.Ю. Полунов

Я, может быть, воспользуюсь этой замечательной ситуацией и, если можно, расскажу, как возникла история про плоские фляжки за голенищами сапога, потому что она очень популярна. Она такая яркая, образная, близкая сердцу русского человека, она гуляет по страницам самых разных изданий. И, что самое интересное, её принимают за чистую монету — якобы действительно Александр III прятал какие-то фляжки за голенищами сапог.

У Александра III был начальник охраны генерал Черевин, который действительно был запойным алкоголиком. Как-то так получилось, лично мне до сих пор не понятно как, почему, когда одного царя только что убили, другой царь на такой критически важный пост, как руководство охраной, назначает человека, который утром ещё был трезвый, но ближе к полудню уже в сильном подпитии. Он знал Черевина давно, привык к нему — свой человек. Но это действительно был пьяница, бог весть как руководил охраной.

Но что произошло далее? Черевин, естественно, ездил за границу. В подпитии он болтал — об этом тоже все говорили. За границей в одной из своих поездок он встретил известного российского учёного, физика Лебедева, с которым, будучи в привычном

---

[9] «Нечаевское дело» — убийство студента Петровской сельскохозяйственной академии И. Иванова, совершенное в 1869 году революционным кружком «Народная расправа» под руководством С. Нечаева. Преступление вдохновило Ф. М. Достоевского на создание романа «Бесы».

[10] Главными центрами «Народной расправы» в Москве были книжный магазин Александра Черкесова на улице Большая Лубянка, где помещался склад нелегальной литературы, и квартира Успенского на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира, 3, во дворе), где жил Нечаев и проходили нелегальные собрания. https://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/2072/«Народная?ysclid=lrukeoprjn92220551

для себя состоянии, он о чём-то говорил. Лебедев, помимо того что был выдающимся учёным, придерживался достаточно левых взглядов. Черевин ему чего-то наговорил, Лебедев что-то услышал, неизвестно что, а потом передал это третьему лицу.

Третьим лицом был не кто иной, как известный революционер Бурцев, так называемый охотник за провокаторами, который это и опубликовал. Байка прошла через три пары рук и потом была опубликована человеком, который никакого пиетета, никакой симпатии к царю не испытывал. Отсюда взялась легенда об Александре III как алкоголике. Алкоголиком он совершенно точно не был. Есть много воспоминаний близких ему людей, включая его лейб-хирурга Вельяминова, который как врач очень хорошо знал его организм. Если бы что-то такое было, это бы проявилось. Вкус алкоголя он знал, в молодости на пирушках, как свидетельствуют, мог много выпить, но он не был алкогольно-зависимым. Вот этого не было.

Что было в реальности? В том тексте, который вышел из-под пера Бурцева, говорится, что, напившись, Александр III падал на спину, болтал руками и ногами. Какова рациональная основа? Он играл с детьми. Он очень любил детей, не только своих, но и родственников, из других великокняжеских семей. Любил с ними с горки кататься, потом дети набегали на него гурьбой, сын Михаил мог окатить его водой из шланга — так они забавлялись, играли в самые разные игры.

Пьяненький Черевин что-то такое рассказал, а не очень добросовестный Лебедев и Бурцев — кто из них в какой степени — потом превратили это в ту историю, которая сейчас кочует по страницам разных изданий и которую мы так часто слышим. Но, повторюсь, я как исследователь этой эпохи могу официально заявить, что фляжек за голенищами сапог Александр III не прятал. И в подпитии на полу не валялся, болтая руками и ногами. Спасибо.

Ю.А. Петров

Александр Николаевич [Привалов], мы хотели бы услышать ваше мудрое слово. Сможете?

А.Н. Привалов, *вице-президент, председатель Совета Никитского клуба*

Слово — могу, насчёт мудрости — не могу пообещать. Спасибо большое, что предоставили слово. Мне ужасно печально, что я не попал на заседание. Я очень его предвкушал. А тут мне даже не дали послушать выступающих [из-за сбоев связи]. Просто, я бы сказал, обидели. Я успел услышать только несколько последних фраз и на них немедленно возражу.

То, что сегодня прошло это заседание, — это прекрасно. Большевики же вели простую линию: «всё, что до нас, было мрачным кошмаром, изредка прорезаемым искрами предвкушения нашего пришествия». Александра III обоврали больше очень многих и как-то надо это уравновешивать, потому что на самом деле эпоха его правления во многих отношениях была весьма примечательна. Сегодня об этом было замечательно сказано. И надо об Александре и людях его времени говорить хорошо — не как о покойниках, а как о варианте, не проработанном русской историей.

Рукав, по которому начал двигаться Александр III, этот рукав не пройден в должной степени. В частности потому, что мы о нём мало знаем, мало говорим. А говорим мы о нём мало и недостаточно, я бы сказал, конструктивно ещё и потому, что

мы все — разные консерваторы. Понятно, что за этим столом далеко не все консерваторы, но и те, кто таков, «консервируют» разное. Например, сказать, как сказал Михаил Викторович [Поваляев] про кромешный классицизм, я бы не смог. Потому что, на мой взгляд, это неплохо, в этом классицизме были свои плюсы, и именно тогда они были довольно очевидны.

А.Н. Привалов (вверху справа, дистанционно)

Да, знаменитый «циркуляр о кухаркиных детях» очень неосторожно написан. И справедливо использован левой пропагандой как грязное пятно на репутации страны. Но люди, которые любят и изучают ту эпоху, не могут не понимать, какой был за этими шагами резон. Пытались остановить чрезмерно быстрое расширение и одновременно резкое падение качества гимназического образования. Да, эти резоны были не вполне внятно сказаны. Но мы-то должны их понимать, потому что мы видим — на наших глазах, на глазах собравшихся за этим столом, за последнее десятилетие убили русское высшее образование, в частности, тем, что его чрезмерно раздули. Здесь среди собравшихся много преподавателей, они не дадут соврать. Они скажут, какое нынче качество контингента, который они обучают. Это было сделано, в частности, потому что тот урок, урок времён Александра III, не был в достаточной степени понят и усвоен. И, разумеется, по многим другим причинам.

Я понимаю, что, не присутствуя живьём на сегодняшнем замечательном заседании, не ощущая флюидов, я далеко не всё воспринял через прерывистую электрическую связь. Но одно не могу не сказать. Удивительно много рифм в том, что рассказали наши уважаемые докладчики, к нашим последним десятилетиям. Например, чудесное замечание, которое бросил Юрий Александрович [Петров], что в той попытке поставить на исторически убитое место крестьянскую общину, которая действительно сыграла неприятную роль в дальнейшем развитии событий, ключевым соображением было какое? Фискальное! Так с крестьянства было проще драть налоги.

На наших глазах каких-нибудь двадцать лет назад прежде всего именно фискальные, сиюминутные фискальные соображения привели и к эпохе олигархата, и к гипертрофированной роли финансового сектора. Вспомним: в 1995 году позарез надо было собирать налоги, а их не с кого было собрать. Остатки бизнеса были мелкими и рассыпными как горох. А с горошин много не соберёшь. Надо было быстро слепить из них истуканов. Вот вам залоговые аукционы, которые имели потом массу всяких весьма разнообразных последствий. То же самое, по-видимому, случилось сотню лет раньше и с крестьянской общиной.

Словом, было ужасно интересно. И тут я могу сказать, как некий великий человек сказал много-много веков назад по другому случаю. То, что я услышал, было прекрасно. Видимо, то, чего я не услышал, было прекрасно тоже. Большое спасибо.

Ю.А. Петров

То, что мы сумели услышать, было тоже интересно. Я вижу желающего выступить. Рустам, прошу вас!

Р.Э. Рахматуллин, *эссеист, историк, москвовед*

Добрый вечер! Я совершенно поражён новостью про то, что Александр III любил смешивать шампанское с квасом. Во-первых, я сделал это один раз в жизни и оказавшись в Ленинграде, ещё даже не в Петербурге. Если так немножко пошутить, мне кажется, консерватизм, живой консерватизм, должен представлять собой смешение кваса с шампанским. Это было бы весело.

Если всерьёз, я хотел бы сделать заметку на полях к теме, которую затронул Александр Юрьевич [Полунов], касающейся истории искусства или культуры того времени. Мне очень близко то, что возник этот сюжет.

Р. Э. Рахматуллин

Стиль, который называют в это время московско-ярославским (кстати, очень точно по двум его географическим источникам), сейчас называют «узорочьем»[11]. Никто не знает, кто первым применил этот термин. Может быть, здесь знают, но мне, например, до сих пор не удалось выяснить. Просто в сообщении немного получилось так, что русский стиль в варианте русского узорочья возник в царствование Александра III. Конечно, нет. Он шёл к этой стадии через архитектурную археологию по мере того, как насматривались памятники XVII века.

Например, Исторический музей менее чистый в стилистическом отношении, как стилизация, да? Это проект 1870-х годов. Мы можем найти проекты 60-х годов, опыты Николая Леонтьевича Бенуа, а не только Султанова. Например, постройка Николая Леонтьевича Бенуа в усадьбе Шереметевых в селе Высокое под Вязьмой. Это опиралось, как правило, на первые изученные памятники, которые вы все знаете, — церковь Троицы в Останкино, например, поскольку эти авторы были близки к Шереметевым. Церковь Троицы в Никитниках, некоторые другие.

По мере того как насматривались образцы, возникала архитектурная археология, возникали обмеры, возникала известная точность. Но стиль, конечно, формировался постепенно. Наверное, можно согласиться, что Александр III его сознательно предпочитал. Но тот же Исторический музей — вполне официальное произведение на главной площади одной из двух столиц.

Вот такое замечание немножко на полях, просто чтобы у нас не было ощущения, что это возникло как бы ниоткуда. Это действительно замечательный выбор.

И ещё интересно, совсем на полях. Поскольку кроме истории и культуры меня очень занимает география культуры, московско-ярославский стиль XVII века по-другому можно назвать северо-восточным. Он вышел из пространства, которое мы сейчас определяем контуром Золотого кольца. И возвращение во второй половине XIX века этого стиля можно ещё как-то осторожно связать с географией, с пространством Минина и Пожарского, с пространством спасения Москвы, с тем сектором, который возглавил освобождение Москвы в XVII веке. В конце концов, этот стиль стал стилем Михаила Романова в его державном сиротстве после смерти патриарха Филарета. Это стиль не только Алексея Михайловича, это стиль именно Михаила Фёдоровича и других первых Романовых.

Это всё, скорее, на полях. Было очень интересно, что вы обратились к этому аспекту. Спасибо.

Ю.А. Петров

Спасибо. Маленькая реплика, если позволите. Сегодня упоминался собор Александра Невского в Варшаве, который был разрушен в 1926 году (построен в 1912 г.). Мне интересно было узнать официальную формулировку, почему он был разрушен, — чтобы московская архитектура не противоречила европейской в нашем прекрасном городе. Это к вопросу о том, что Спас-на-Крови как-то уживается, а у поляков острая конфликтная ситуация возникла. И храм был варварски разрушен. Там были прекрасные мозаики Васнецовых, они куда-то разошлись в кусках

[11] Русское, или московское, узорочье — стиль архитектуры, который сформировался в XVII веке в России, с характерными сложными формами и композицией, яркими цветами, обилием декора.

буквально по всей России. Так что вопрос «русский стиль в архитектуре» — вещь, подчас вполне воспринимаемая как идеологическое давление.

А.Ю. Полунов

Более того, Юрий Александрович, продолжая вашу мысль, я скажу, что в середине 1920-х годов этот храм снесли, но не прошло и тридцати лет, как русские опять явились в Варшаву и опять построили здание в центре Варшавы — Дворец культуры и науки (1955), «сталинскую высотку» (рис. 13). После 1989 года обсуждался вопрос о разрушении и этой высотки. Естественно, поляки прекрасно понимают идеологическое наполнение этого здания. Но всё-таки на это не решились.

Рис. 13

Ю.А. Петров

Не решились по одной простой причине — очень дорого ломать такое здание.

А.Ю. Полунов

Знаете, они на идеологии никогда не экономили.

Ю.А. Петров

Не скажите, сломать такое здание требует огромного бюджета.
Есть ли ещё желающие поделиться? Пожалуйста.

Л.У. Звонарёва, *главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства»*

Мне кажется, что просвещённый, вообще русский консерватизм Александра III очень сильно сказался в его художественных предпочтениях, в его любви к художнику Боголюбову. В том, как он между Айвазовским и Боголюбовым явно выбирал

Боголюбова. Боголюбову поручались уроки рисования в царской семье, ему заказывали работы, посвящённые историческим ключевым битвам, морские пейзажи. Мы знаем судьбу Боголюбова. Сейчас его юбилей, большая выставка в Третьяковской галерее, много новых документов. Готовится том в ЖЗЛ, посвящённый его творчеству, я его редактор. Там действительно интересно отражена эпоха. Отношения Александра III и Боголюбова во многих письмах и документах тоже, мне кажется, очень яркая иллюстрация именно к его консерватизму, чёткости его взглядов, противопоставление модернистским либеральным тенденциям, которые в тот момент процветали в искусстве.

Л.У. Звонарёва

Ю.А. Петров

Спасибо за это ценное дополнение. Можно просто вспомнить, с какими музеями связан был Александр III, какие музеи носили его имя, и не зря.

А.Ю. Полунов

Исторический музей был создан, здание было построено во многом…

Ю.А. Петров

Указ о создании Исторического музея подписал Александр II, а уже построен музей был Александром III.

А.Ю. Полунов

Завершён.

Ю.А. Петров

Завершён, прошу прощения, уточняю. А Русский музей?

А.Ю. Полунов

А Русский музей — замысел принадлежал Александру III и основа была заложена при Александре III, открыт уже при Николае II. Причём Русский музей должен был состоять из трёх отделов. Художественный — это то, чем является Русский музей, который мы знаем сейчас. Этнографический, выделенный в отдельный музей. И должна была быть составная часть — музей собственно Александра III. Но в силу разных причин вот этого центрального компонента не получилось. Но сейчас посетителей на главной лестнице Русского музея встречает бюст Александра III как основателя музея.

Ю.А. Петров

Всё верно. Коллеги, кто ещё хочет сказать? Пожалуйста!

В.В. Зимин, *управляющий директор НКО ЦК РДК (АО), кандидат экономических наук*

Я управляющий директор НКО ЦК РДК по связям с GR [с органами государственной власти]. В стенах Биржи я просто не могу обойти один момент, связанный с Александром III. В 1903 году произошло одно знаменательное событие. При открытии здания Санкт-Петербургской биржи там же был открыт памятник царю, выполненный на деньги биржевого общества. Казалось бы, какая связь? Как здесь уже отмечалось, именно в это время активно развивались акционерные общества и компании, в частности, железные дороги. Многие железные дороги как раз во времена Александра III банкротились, потому что были частными. Государство выкупало ценные бумаги этих компаний и тем самым поддерживало со своей стороны фондовый рынок, который достаточно активно развивался. Российские бумаги были в то время самыми доходными и востребованными на Западе, потому что были гарантированы государством.

В.В. Зимин

Ещё одна примечательная деталь, что именно во времена правления Александра III иностранные бумаги не были допущены для торговли в фондовом отделе Санкт-Петербургской биржи. Таким образом, купечество могло быть как-то защищено от тех колебаний, которые происходили из-за спекулятивной игры, которая происходила уже на международных площадках.

А до того, при открытии здания биржи в Париже, чести памятника был удостоен Наполеон I. Памятник Наполеону I как вдохновителю биржевого движения, по указу которого было спроектировано и построено здание Парижской фондовой биржи [Дворец Броньяр (Palais Brongniart)], был установлен в здании биржи.

Ю.А. Петров

Спасибо. Возникла ещё и аналогия между Александром III и Наполеоном.

Коллеги, если желающих выступить нет, тогда по традиции ваши докладчики, наверное, попытаются что-то суммировать и подвести некие итоги. Александр Юрьевич, начнёте?

А.Ю. Полунов

Что сказать в качестве завершающего слова? Я думаю, что для нас всех стало очевидным в результате этой дискуссии, очень плодотворной, что есть много чего ещё изучать, над чем размышлять. Совершенно ясно, что есть недостаточно исследованные сюжеты. В частности, взаимодействие власти с художественной сферой, с архитектурой, с изобразительным искусством и так далее.

Существует вопрос методологического плана о консерватизме как таковом — просвещённый консерватизм, какой-то иной консерватизм. Разновидности консерватизма, эволюция консерватизма — это также предмет и научных исследований, и более широких рассуждений философского и публицистического характера. Разумеется, в качестве отдельного направления — исследование влияния государственной власти на экономику. Это, я считаю, вечная тема для России. У нас экономика, по-моему, никогда не развивалась независимо от государственной власти. Мне представляется, по большому счету, всегда была таким придатком или проекцией государственной власти. Но как это конкретно осуществлялось — тоже должно стать предметом исследований.

Конечно, для тех, кто собирается исследовать историю России конца XIX — начала XX века базовый вопрос — предпосылки революции и почему она произошла, почему ход истории пошёл так, а не иначе, были ли альтернативы. И я бы сказал, что очевидно оживление интереса к фигуре Александра III в современном общественно-политическом дискурсе и в современной идеологической политике. А таковая есть, несмотря на то что у нас введение государственной идеологии запрещено Конституцией. Но конституцией или каким-то другим законом можно запретить или предписать что угодно, а если есть потребности жизни, живого развития, то, какие законы не издавай, они всё равно эту потребность осуществят, эти запреты переломят.

Такая идеология у нас складывается, и невооружённым взглядом видно, что Александр III начинает занимать в ней большое место. Это и памятники Александру III в Ливадии и в Гатчине, присвоение его имени подводной лодке. То есть всё это

совершенно очевидно несёт определённую идеологическую, политическую насыщенность. Это, кстати, может стать предметом отдельного обсуждения — историческая память об Александре III, его образ в идеологии. Здесь говорилось, что в исторической памяти Александр III запечатлелся как преимущественно отрицательная фигура. Но это было характерно для советского времени. А сразу после его смерти, конечно, в официальных кругах он стал предметом культа и, собственно говоря, создание музея Александра III — это один из элементов мемориализации его образа.

В общем, коллеги, я немного напрашиваюсь на повторение темы, связанной проблемами, которые мы сегодня обсуждали, думаю, это было бы логично.

Ю.А. Петров

Спасибо, Александр Юрьевич! Если проявится такой же интерес к Александру III, как у нас с вами, конечно, можно ещё одно обсуждение устроить.

Коротко выскажу свои финальные впечатления. Что и как бы мы ни говорили об истории, она нам, конечно, интересна как спутница и советница в сегодняшней жизни. И хотя, как известно, история никого и ничему не учит и не научила, но мы всё равно оглядываемся на неё. И тема сегодняшнего заседания, вы сами понимаете, актуализирована вниманием к персоне Александра III, которое в нашей нынешней жизни весьма ощутимо. Это внимание действительно очень серьёзно. И то, что этот император принимается, может быть, за некий образец, идеал монарха, созвучно тому, что говорил господин Бортко о том, что без такого императора всё развалится. Видимо, аналогия в этом вполне прослеживается. Так ли это, можно ли говорить, что у хорошего императора всё будет постоянно ладиться, — не уверен.

Если возвращаться к теме ручного управления, то не могу не вспомнить не анекдот, а, как говорят, быль. Во времена Николая I, когда ночью во всем Зимнем дворце горело только одно окно, прохожие знали: император разбирает почту.

А.Ю. Полунов

«…В этот поздний звёздный час только Сталину не спится — Сталин думает о нас».

Ю.А. Петров

Да, в продолжение темы. Я не очень понимаю, как можно всю ночь просидеть за почтой, что делать днём-то после этого? Поэтому у отдельной личности не хватит сил управлять такой махиной, как Россия, — ручное управление вещь весьма сомнительная и, я бы даже сказал, опасная.

Прозвучала фраза, что Александра III отравили.

Ю.А. Полунов

Есть такая версия.

Ю.А. Петров

Конечно, такая версия сразу возникает, когда человек умирает ни с того, ни с сего в 49 лет, поскольку почки у него отказывают. Но я не стал бы пополнять тематический перечень наших дискуссий ещё и этим конспирологическим сюжетом.

Что касается того, насколько Александр III был хорош в роли национального

лидера, насколько его просвещённый консерватизм отвечал чаяниям и вектору развития страны, народа, — это сложный вопрос, но, пожалуй, на него можно ответить более-менее позитивно. Да, он корректировал отцовские реформы. Я бы даже назвал их не контрреформами, это была именно коррекция, приспособление к российским условиям. Его политику называют ещё «консервативной модернизацией» — такой термин, мне кажется, в целом подходит для оценки его курса, в отдельных секторах весьма успешного.

И всё же не скажу, что он был идеальным правителем, таким, как его воспринимал Витте. Своих министров он не ставил ни во что, мог не допустить с докладом, мог выгнать с доклада. Был довольно груб. Вот вы [Бортко] восхищались творением Трубецкого, но мой коллега справедливо обратил внимание: пасть-то он лошади уздечкой почти порвал! Так же он поступал, принимая многие свои решения, продавливая их, используя, можно сказать, силовые методы. Ему не хватало интеллигентности и такта Александра II, утончённости Александра I, страсти Павла I. Но не будем, как в «Женитьбе» Гоголя, составлять из черт разных императоров одного идеального, — конечно, идеальных людей в принципе нет.

И все же он сыграл в истории России очень значимую роль. Александр III достоин нашей благодарной памяти за то, что он подавил революционное движение, успокоил империю, обеспечил ей ускоренное экономическое развитие. Одним словом, он пытался создать те институты развития, которых державе не хватало. В чём-то преуспел, безусловно, в том числе и в деле перевооружения армии. Но я бы не стал называть подводную лодку его именем, он был миротворец всё-таки. Ну, а то, что внимание к его персоне ощутимо и, надеюсь, лучшие черты его царствования как-то учитываются современными политиками, — ну, дай-то Бог, это как раз неплохо.

И последнее. Я вспомнил, что Александр Николаевич [Привалов] сказал, что мы все консерваторы. Да, но разные, конечно. Я вспомнил одну поговорку, что в юности все радикалы, а с возрастом становятся консерваторами.

А.Ю. Полунов

«Кто в двадцать лет не либерал, у того нет сердца, кто в сорок лет не консерватор, у того нет головы».

Ю.А. Петров

Да, разные формы одного и того же изречения. Но я думаю, что не возраст нас сегодня объединяет в наших консервативных убеждениях, а сама тематика. Для России консерватизм — это очень интересное и на практике реализуемое идеологическое течение. Пожалуй, мы сейчас проходим второй путь или, другими словами, переживаем попытку реинкарнации просвещённого консерватизма. На этом позвольте закончить.

Всем спасибо!

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 126

Золотой век российского консерватизма

Редактор выпуска *Наталия Румянцева*

nikitskyclub@moex.com

www.nikitskyclub.ru